

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

А. И. УЛЬЯНСКИЙ

НЯНЯ ПУШКИНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1940 · ЛЕНИНГРАД**

В МОСКВЕ И ЗАХАРОВЕ

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед.

(«Воспоминания в Царском Селе»
1816 г.)

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами, в реке волнистой
С мостом и рощей тенистой
Зерцалом вод отражено
На холмах домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят.

(«Послание к Юдину», 1815 г)

В записанных в 1851 г. со слов Ольги Сергеевны воспоминаниях ее о Пушкине говорится: «от самого рождения до вступления в Царскосельский Лицей, он был неразлучен с сестрой Ольгой Сергеевной, которая только годом была его старше. Дегство их протекало вместе и няня сестры, Арина Родионовна, воспетая поэтом, сделалась нянею для брата, хотя за ним ходила другая, по имени Ульяна».²⁷

Ольга Сергеевна имеет в виду няню Александра Сергеевича Ульяну Яковлеву. «Между тем, — по словам Ольги Сергеевны, — родился Лев Сергеевич и Арине Родионовне поручено было ходить за ним: так она сделалась общею нянею».

П. В. Анненков отмечает, что «Ирина Родионовна выняньчила все новое поколение этой семьи».

Дочь Арины Родионовны Марья Федорова в беседе с Н. В. Бергом говорит несколько иначе о своей матери: «только выкормила Ольгу Сергеевну, а потом к Александру Сергеевичу была в няни взята».²⁸

Показание Марьи Федоровой о том, что мать ее выкормила Ольгу Сергеевну, может быть, заслуживает некоторого внимания.

У Арины Родионовны был сын Стефан, которому, как видно из исповедной ведомости, в 1802 г. значилось 4 года.

Исповедные ведомости ближайших последующих лет, а также ревизская сказка села Михайловского за 1816 г. подтверждают правильность указанного возраста Стефана. Не находя записи его рождения в документах о родившихся в Кобрине и Суйде за период с 1796 по 1800 г., мы можем считать, что он родился вне своего дома.

Ольга Сергеевна же родилась 20 декабря 1797 г. Отсюда у нас предположение, что Арина Родионовна родила сына Стефана в конце 1797 г. или в начале 1798 г., находясь у Пушкиных, и в этом случае могла действительно быть кормилицей Ольги Сергеевны.

Приставленная к Ольге Сергеевне сначала как кормилица (возможно и временно), она могла остаться затем ее няней и няней последующих детей Пушкиных. Известно, что Арина Родионовна метко прозвала Ольгу Сергеевну «занавесочной барышней», так как Ольга Сергеевна принимала кормление грудью лишь с закрытыми глазами.

Вероятно, еще в бытность свою в Москве на коронации императора Павла, т. е. весной 1797 г., Сергей Львович решил переехать на постоянное жительство в Москву, где проживали его мать, братья Василий и Николай Львовичи, сестры и многочисленные родственники. Осуществляя этот план переезда в Москву и перехода на другую службу, Сергей Львович уже 17 сентября 1797 г. вышел в отставку.²⁹

Когда точно Пушкины переехали в Москву, не известно.

А. Ю. Пушкин писал: «в 1798 году Сергей Львович вышел в отставку, переехал с семейством своим в Москву и нанял дом княжен Щербатовых, близ Немецкой слободы, где в 1799 году родился у них сын Александр; наш полк в то время был уже в походе, где я и получил об рождении Александра Сергеевича от сестры письмо».³⁰

Место жительства Пушкиных в Москве, тщательно изучавшееся Л. А. Виноградовым,³¹ твердо установлено лишь с начала мая 1799 г. в Немецкой слободе, в доме графини Екатерины Александровны Головкиной и вскоре же в доме И. В. Скворцова (ныне улица Баумана, дом № 10), где 26 мая (6 июня нового стиля) того же года и родился поэт.

Продолжая изложение биографических сведений о поэте, Александр Юрьевич Пушкин пишет: «в конце того же года, возвращаясь из похода в Москву, я уже Сергея Львовича с семейством не застал; они уехали к отцу своему Осипу Абрамовичу в Псковскую губернию, в село Михайловское, а Марья Алексеевна в Петербург для продажи деревни Кобриню, которую она, помнится мне, продала генеральше Зильберезиной».³² Марья Алексеевна, как полагает Л. А. Виноградов, не сразу поехала в Москву вслед за своей дочерью.³³

О продаже Кобриня Зильберезиной тогда могли вестись лишь переговоры, которые, возможно, и задерживали Марью Алексеевну в Петербурге.

В действительности Кобриню было продано в 1800 г., но не Зильберезиной и не Цыгорову, как сообщает в своих воспоминаниях Ольга Сергеевна, а Жандр.

Была ли при рождении Александра Сергеевича Арина Родионовна?

В исповедной ведомости Суйдóвской церкви за 1799 г.³⁴ она значится бывшей на исповеди, но «за нерачением» не причащавшейся. Однако пребывание Арины Родионовны в Москве при рождении Александра Сергеевича могло не помешать ее присутствию на исповеди в Суйде в том же году летом или осенью (в петров или успенский пост), когда Пушкины уже покинули Москву.

Возможно, что как кормилица или няня Ольги она следовала за Пушкиными и была той единственной в доме Сергея Львовича в Москве близкой, опытной женщиной, услуги которой могли быть очень ценны для Надежды Осиповны. Отпуская свою дочь с малолетним ребенком Ольгой в Москву и, быть может, уже тогда зная о предстоящих родах Надежды Осиповны, Марья Алексеевна, как очень заботливая мать, не преминула, вероятно, воспользоваться услугами своей испытанной Арины

Родионовны. Не поехав в Москву сама, она могла оставаться спокойной, рассчитывая на Арину Родионовну.

В 1800 г. пребывание Пушкиных в Москве не установлено, и поэтому предполагается, что они уехали в Михайловское к Осипу Абрамовичу Ганнибалу, отцу Надежды Осиповны, а оттуда в Петербург к Марье Алексеевне.

Что Пушкины в 1800 г. действительно побывали в Петербурге, мы могли убедиться, разыскав ревизскую сказку 1811 г., в которой новая владелица Кобринина ссылается на покупку его у Надежды Осиповны в 1800 г.

С ними в Петербург могла вернуться и Арина Родионовна, побывавшая затем у себя на родине.

Принято считать, что в Петербурге в лето 1800 г. произошла встреча маленького Александра Сергеевича с императором Павлом, который пожурил няню за то, что младенец при встрече с ним не снял картуза. Этот факт вспомнил поэт впоследствии в письме к своей жене, Наталье Николаевне (20—22 апреля 1834 г.): «видел я трех царей — первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня няньку, второй меня не пожаловал, третий хоть и упек в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как то наш Сашка «сын поэта» будет ладить с порфиородным своим теской; с моим теской я не ладил. Не дай бог ему итти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями».

Сомнительно, чтобы это могло случиться с годовалым ребенком, но, повидимому, в семье Пушкиных сохранилось такое предание. Была ли при этом случае с маленьким Александром Арина Родионовна или Ульяна Яковлева, трудно сказать.

Весной 1801 г. Пушкины жили в Москве в Огородной слободе, в доме подпоручика Волкова, что на углу Чистых Прудов и Большого Хомутова переулка (теперь № 7 по Чистым Прудам и № 2 по Большому Харитоньевскому переулку; дом этот не сохранился). При Пушкиных значатся пять дворовых.³⁵ Арины Родионовны и Ульяны Яковлевой в числе их нет.

В том же году при Марье Алексеевне Ганнибал, проживавшей вблизи Сергея Львовича, в той же Огородной слободе, в доме Силина, Арина Родионовна также не значится.

Как мы уже указывали, в 1801 и 1802 гг. Арины Родионовны, судя по исповедным ведомостям, не было в Кобрине.

В марте 1803 г. Арина Родионовна помечена присутствующей на исповеди в Москве, живущей при Марье Алексеевне, вдовой 45 лет. В том же 1803 г. она значится бывшей на исповеди в Суйде. Если исключить возможность ошибочной записи Суйдовской церкви, это могло случиться не иначе как вследствие приезда ее в Кобриню, где она оставалась, судя по тем же ведомостям, и в 1804 г.

В декабре (20-го) 1803 г. в Суйде скончался от чахотки муж старшей сестры Арины Родионовны Евдокии — Еремей Агафонов.

Весьма странным должно показаться то обстоятельство, что, в то время как Арина Родионовна еще в 1803 г. была помечена в Москве вдовой, муж ее Федор Матвеев продолжает числиться по исповедным ведомостям Суйдовской церкви вплоть до 1806 г., как бывавший на исповеди, но вместе с другими членами своей семьи «за нерачением» не причащавшийся.

При проверке нами по записям Суйдовской церкви всех умерших с 1800 по 1807 гг., за исключением лишь несохранившегося списка 1801 г., Федор Матвеев нами не обнаружен.³⁶

Еще 26 марта 1800 г он был восприемником при крещении родившегося в марте у крестьянина деревни Кобрин Ивана Прокофьева сына Алексея. Во всех же последующих записях вплоть до 1807 г, когда семья Арины Родионовны уже вовсе не значится в Кобрине, покинув, видимо, его, мы не могли обнаружить Федора Матвеева ни в качестве восприемника ни поручителя при крещении или венчании у его односельчан, тогда как в предыдущих записях мы привыкли часто видеть его в этой роли.

Учитывая все это, мы полагаем, что Федор Матвеев умер в 1801 г. и что продолжавшиеся в последующие годы отметки Суйдовской церкви о присутствии его на исповеди ошибочны. Может быть, Федор Матвеев умер вне Кобрин, и это облегчило возможность такой ошибки со стороны Суйдовской церкви, вероятно, и в других случаях грешившей в точности своих исповедных записей. К тому же Суйдовская церковь, в приходе которой состояла в числе прочих деревень и деревня Кобрин, находилась в 5 верстах от последней, и несомненно в приходе о судьбе кобринских жителей были менее осведомлены. А. Ю. Пушкин ошибался, считая Арину Родионовну овдовевшей к 1796 г.

В 1800 г. состоялась продажа Кобрин, в связи с чем Арине Родионовне и ее семье пришлось пережить еще не мало волнений, хотя вся семья ее была исключена из списков продажной Судя по исповедной росписи за 1801 г, вся семья Арины Родионовны отсутствует в Кобрине.

Условия жизни семьи Арины Родионовны в Кобрине в 1802 г. сильно изменились, вероятно, в связи со смертью Федора Матвеева. С 1795 г. семья ее жила отдельным двором, в 1802 г. двор ее семьи насчитывает уже 15 человек жильцов, составляющих 3 семьи, правда, родственные. Крепостной двор того времени обычно насчитывал много крестьян, и теперь трудно даже понять, как могло поместиться в этих избушках такое количество народа. Брат с собою всю семью Арины Родионовны в Москву Марья Алексеевна и Пушкины пока, вероятно, не имели возможности.

У Арины Родионовны после смерти мужа осталось четверо детей: Егор 18 лет, уже женатый на Агриппине Ивановой, Надежда 14 лет, Марья 12 лет и Стефан 3 лет. Оставляя пока семью Арины Родионовны в Кобрине, Марья Алексеевна полагала, вероятно, что сейчас же после покупки ею какой-нибудь подмосковной деревни она перевезет их туда. В селе Михайловском тогда еще жил Осип Абрамович со своей «Голстихой», как ее называл А. Н. Вульф. Все эти события, вероятно, задержали Арину Родионовну в Кобрине, и Пушкины с детьми, на сей раз уже с Марьей Алексеевной, но без Арины Родионовны, выехали обратно в Москву.

Только в 1803 г, как указывалось выше, Арина Родионовна значится при Марье Алексеевне в Москве по дому Штритерши, в числе довольно многочисленных дворовых (Василий Михайлов 30 лет, жена его Варвара Дмитриева 20 лет, Андрей Иванов 26 лет, Яков Прокофьев 27 лет; девицы — Авдотья Лаврентьева 28 лет, Анна Егорова 27 лет, Анна Семенова 20 лет, Акулина Иванова 10 лет и вдова Ирина Родионова 45 лет).

Л. А. Виноградов правильно полагает, что Марья Алексеевна, сохраняя самостоятельность и имея отдельную квартиру и своих дворовых, фактически жила в доме зятя. Последнее предположение в одинаковой мере справедливо и по отношению к Арине Родионовне, которая действительно, как замечает Л. А. Виноградов, показана в списках дворовых как-то особняком, в конце списка.

Марья Алексеевна, продавшая Кобринно по причине связанных с ним тяжелых воспоминаний о неудачном замужестве, а также в виду своего переезда в Москву, решает приобрести подмосковную деревню.

7 ноября 1804 г. была подписана купчая, по которой «покойного надворного советника Ильи Яковлевича Тинькова жена, вдова Катерина Александрова и дочери его девицы Марья и Катерина Тиньковы» продали Марье Алексеевне Ганнибал «и наследникам ее недвижимое свое имение, заложенное императорского воспитательного дома в московском опекуном совете по займу из одного сыном моим Катерины Александровны, Марьи и Катерины братом, генерал-майором Павлом Ильичом Тиньковым, в тысяча восемьсот втором году июля десятого дня на восемь лет трех тысяч рублей». ³⁷ Из числа значащихся по V ревизии 73 душ мужского пола, за вычетом упомянутых в купчей душ мужского и женского пола, продано было Марье Алексеевне Ганнибал «итого шездесят душ с женами их и со вновь рожденными после пятой ревизии абоего пола детьми и с приимаши с умершими беглыми и отданными в рекруты пожилыми годами и заработными за них деньгами, и со взятыми из посторонних селений в вышеписанное сельцо Захарово в замужество девками и вдовами». ³⁸ Всего по имени проданы числящиеся по генеральному межеванию 910 десятин с саженьями, исключая Львовскую пустошь, которую Тиньковы оставили за собою. Продажа состоялась «за 28 000 рублей, включая опекунского совета долг 3 000 рублей».

Сергей Львович, служивший тогда в Комиссариатском штате, в чине седьмого класса, в целях поднятия своего родового и служебного престижа, очень помпезно обставил оформление купчей и не только сам «свидетель был и руку приложил», но пригласил в качестве свидетелей шурина Матвея Михайловича Сонцова и ряд своих сослуживцев. 20 января 1805 г. Марья Алексеевна зарегистрировала эту купчую в Звенигородском уездном суде и вступила во владение.

Побывав на родине, Арина Родионовна снова возвращается к Пушкиным. Дети ее попрежнему остаются в Кобрине

Приобретая подмосковное поместье, Марья Алексеевна и Пушкины часто выезжают туда; с ними, разумеется, и Арина Родионовна.

Сельцо Захарово Звенигородского уезда, или тогда «Звенигородской округи», Московской губернии — в 40 верстах от Москвы и 12 верстах от города Звенигорода, близ Смоленского тракта (ныне Звенигородского шоссе) и в 2 верстах от села Вяземы

Село Вяземы было вотчиной Бориса Годунова; затем в нем находился загородный дворец Дмитрия Самозванца. Здесь бывала Марина Мнишек. Эти места были свидетелями великой смуты Московского государства и захватнических походов поляков на Москву. Поньше сохранилась там выстроенная Годуновым церковь.

История этих мест питала и пленяла воображение юного поэта и своей стариной не могла не интересовать и Арину Родионовну, «наперницу волшебной старины». Она была первым путеводителем юного поэта по этим историческим местам. Все эти яркие впечатления годовской эпохи и рассказы о ней не могли не оставить сильных следов в воображении поэта, который провел здесь значительную часть своего детства. Эти первые впечатления еще до «Истории Государства Российского» Карамзина влекли поэта к временам Годунова, запечатленным впоследствии в «Борисе Годунове».

В сцене корчмы на литовской границе хозяйка говорит самозванцу, указывая дорогу в Литву: «а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево». Отметим, что около сельца Захарова расположено село Хлопино.

А. А. Венкстерн так характеризовал (1899 г.) село Захарово: «унылая, плоская местность, с темною зеленью елового леса и печальными ветвями берез, старинный барский дом с флигелями и службами на берегу пруда, обросшего вековыми липами — таков был общий характер Захарова, первой деревни, узанной Пушкиным в жизни».

Принято считать, что Захарово было приобретено М. А. Ганнибал в 1806—1807 гг. и что с этого времени по 1811 г. Пушкины и Марья Алексеевна, проживая в Москве, лишь летние месяцы проводили в Захарове

Отдельные факты и местные предания, услышанные нами в 1937 г. от лиц, живших в этих местах, дают основания полагать, что некоторые годы Марья Алексеевна, Надежда Осиповна с детьми и Арина Родионовна проживали в Захарове не только летом. Это можно усмотреть и из приведенных Л. А. Виноградовым сведений. «В 1808 году, — говорит он, — С. Л. Пушкин — на Поварской, в приходе Бориса и Глеба; при нем показаны 14 дворовых, но нет никакого упоминания о жене, детях и Марье Алексеевне», нет и упоминания об Арине Родионовне.

Отсутствие Надежды Осиповны, детей, Марьи Алексеевны и Арины Родионовны на исповеди в Москве может быть связано только с пребыванием их в Захарове.³⁹

Натянутые отношения между супругами, временами дававшие себя особенно остро чувствовать, желание и необходимость экономить денежные средства — вот причины возможных более частых и длительных поездок в Захарово.

Марья Алексеевна, видимо, основательно устроилась в Захарове и завезла туда даже дорожную, стильную мебель и посуду не для летнего лишь пребывания. Это видно из деталей договора Марьи Алексеевны на последовавшую в 1811 г. продажу того же Захарова, в котором сказано о продаже имения «с господским в том селце Захарове домом и с имеющеюся в оном мебелью, кроме мебели ис красного дерева, кресел с сафьянными подушками, черного с бронзою стола, зеркалов, поваренной, столовой и чайной посуды, господской скот, разной хлеб и сено, а что имянно из сей продажи исключается в том от нее Ганибаловой дан за подписанием ее мне Козловой реестр, которое все перевести онаго селца Захарова крестьянам в Москву ко мне Ганибаловой без всякой платы».⁴⁰

Возможно, что из этого наиболее дорогого и ценного домашнего имущества часть принадлежала Пушкиным.

Предположение о проживании Марии Алексеевны, Надежды Осиповны и ее детей в Захарове не только летом вполне вероятно. К Арине Родионовне это относится еще в большей мере, что видно из тех же записей исповедных ведомостей по Москве, приведенных Л. А. Виноградовым.

В 1803 и 1804 гг. Арина Родионовна навестила свою семью в Кобрине. В 1805 г., уже после покупки Захарова, дети Арины Родионовны продолжали оставаться еще в Кобрине. Егор Федоров в том же году был приемником при рождении у односельчанина Николая Ефимова сына Гаврилы.

Весной 1807 г. мы уже не находим семьи Арины Родионовны в Кобрине, нет никого из ее семьи в том же году и в Михайловском, перешедшем по наследству к Надежде Осиповне.

Весной 1808 г. дочь Арины Родионовны Надежда Федорова проживает у Пушкиных в Москве на Поварской улице в числе многочисленных дворовых.⁴¹

Можно предположить, что семья Арины Родионовны была переведена в 1806—1807 гг. в Москву и Захарово.

В Захарове Марья Алексеевна и Надежда Осиповна помещались в большом доме, дети же жили в одном из флигелей с гувернерами. Еще до 1910 г. в Захарове сохранялся один из флигелей, сложенных из толстых бревен.

Этот домик, по свидетельству сторожилов, был еще при Пушкиных. Не жила ли в этом теплом домике Арина Родионовна?

В Москве и в Захарове поэт рос под влиянием Марьи Алексеевны и Арины Родионовны, окруженный их заботами.

Е. П. Янькова в своих воспоминаниях о Марье Алексеевне Ганнибал говорит: «старший внук ее Саша был большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик лет 9 или 10, со смуглым личиком, не скажу, чтобы слишком приглядным, но с очень живыми глазами, из которых искры

Сельцо Захарово, август 1903 г. Парк и берег бывшей усадьбы Марьи Алексеевны Ганнибал.

так и сыпались. Но с некоторого времени ему стали свойственны наряду с этим и шалости. То его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расхочется, что его ничем не уймешь, из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем это все кончится, ежели он не переменится. Бабушка, как видно, больше других его любила, но журила порядком». ⁴²

Вместе с тем известно, со слов младшего брата — Льва Сергеевича, о маленьком Александре, что «ребенок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одна за другою».

Особую защиту и особый прием находил маленький Александр у Арины Родионовны, любившей своего питомца. Много времени посвящала ему Арина Родионовна, занимая его своими беседами, рассказами и сказками. Эти взаимоотношения маленького поэта со своей няней особенно проявляются во время пребывания в Захарове и были особенно важны в ту пору, учитывая чисто французское воспитание, дававшееся поэту его родителями.

Мальчик бродит по парку Захарова с книгой, пишет стихи на деревьях, дичится матери и гувернеров, тогда как Арина Родионовна своими занимательными красочными рассказами, своей бесхитростной деревенской речью, своим простым, добрым и теплым отношением привлекает его внимание, привязанность и любовь.

Поэт любил свое Захарово, воспоминания о котором отмечены не только в «Послании к Юдину» (1815 г.), но, повидимому, и в «Городке» (1815 г.).

Не случайно воспоминания эти ассоциируются с образом няни. Так, в «Городке» юный поэт пишет:

... для развлечения,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек.

В «гостях» у нее его не стесняет домашний этикет матери и гувернеров:

Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней,
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.

Кто эта «добренькая старушка»? Арине Родионовне в 1811 г. (год продажи Захарова) было 53 года, а бабушке поэта, Марье Алексеевне, 66 лет.

В последующих строках этого стихотворения несомненно имеются черты Арины Родионовны, живой, общительной, болтливой, находящейся в курсе всех деревенских сплетен и происшествий.

Газеты собирает
Со всех она сторон,
Все сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку
Играя разломал,—
Старушка все расскажет,
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает всё свое.

В несколько более позднем и зрелом стихотворении поэт, восторгаясь прелестями сельской жизни, с восхищением рисует образ, еще в раннем детстве будивший воображение поэта свой замечательной переработкой сказок и преданий:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеяньи,
Она духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шопотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
...
Все в душу страх невольный поселяло.

Я трепетал, и тихо, наконец,
 Томленье сна на очи упало.
 Тогда толпой с лазурной высоты
 На ложе роз крылатые мечты,
 Волшебники, волшебницы слетали,
 Обманами мой сон обворожали;
 Терялся я в порыве сладких дум;
 В глуши лесной, средь Муромских пустыней
 Встречал лихих Полканов и Добрыней,
 И в вымыслах носился юный ум...

(«Сон», 1816 г.)

В этом образе слились трогательные воспоминания поэта о его няне Арине Родионовне и бабушке Марье Алексеевне.

Поэт неоднократно возвращается к воспоминаниям о детских годах своей жизни и к этому образу, пленявшему его с колыбельных дней своими напевами:

Времен минувших небылицы,
 В часы досугов золотых,
 Под шопот старины болтливой,
 Рукою верной я писал.

(«Руслан и Людмила», 1817 г.)

И в другом своем стихотворении:

...В вечерней тишине
 Являлась ты веселою старушкой,
 И надо мной сидела в шушуне,
 В больших очках и с резвою гремушкой.
 Ты, детскую качая колыбель,
 Мой юный слух напевами пленила,
 И меж пелен оставила свирель,
 Которую сама заворожила!

(«Наперсница волшебной старины», 1821 г.)

Арине Родионовне полюбили Захарово. Как общительный человек, она быстро сжилась с захаровскими крестьянами, любившими песни и пляски.

С. П. Шевырев говорит, что Захарово — «деревня была богатая, в ней раздавались русские песни, устраивались праздники и хороводы, и стало быть Пушкин имел возможность принять народные впечатления».

Арина Родионовна особенно подружилась с семьей крестьянина Никиты Андреева, у которого было несколько сыновей.

Арина Родионовна решила выдать свою дочь Марью Федорову за старшего сына Никиты Андреева — Алексея, которому в 1811 г. было 20 лет.

Недолго Марья Алексеевна владела этим помещьем. Захарово было продано по предварительной запродажной 24 января 1811 г. Харитине Ивановне Козловой за 45 000 рублей ассигнациями, и получено задатка 19 000 рублей. В продажу вошли, за исключением оставленных Марьей Алексеевной за собою, всего 57 душ мужского пола. Надо помнить, что деньги, вследствие ведшихся непрерывно с 1804 г. войн, сильно пали в цене. В предварительном договоре Марья Алексеевна оговорила, что покупатель обязан «купчую дать в Москве от Крепостных дел непременно 1811 года марта 15».

Видимо, Марья Алексеевна спешила продать имение.

Ольга Сергеевна передает в своих воспоминаниях про Арину Родионовну: «она и слышать не хотела, когда Марья Алексеевна, продавая в 1811 году Захарово, предлагала выкупить все семейство Марьи. „На что вольная, матушка, я сама была крестьянкой“», ⁴³ — повторяла она.

Арина Родионовна так сжилась с Марьей Алексеевной и Пушкиными, так вросла в их семью, что даже отказывалась от вольной.

Понятно, она была на особом положении у Пушкиных и пользовалась совсем другими, по сравнению с прочими их дворовыми, условиями жизни.

Исключительное внимание к няне отражалось и на отношениях Пушкиных и особенно поэта к ее семье. Известно, что поэт привозил ее дочери Марье подарки.

Так распрощались Пушкины и Арина Родионовна с Захаровым; остались в Захарове лишь вышедшая замуж дочь Арины Родионовны Марья Федорова.

Поэт посетил Захарово перед женитьбой. Об этом посещении сохранились записанные в 1851 г. Н. В. Бергом воспоминания Марьи Федоровой, дочери Арины Родионовны. М. А. Цявловский относит это посещение к первой половине июля 1830 г.⁴⁴

Пока Марья Федорова делала поэту яичницу, «он пошел это по саду, я ему яишеньку-то и сварила; он пришел, покушал... „все наше решилось, говорит, Марья; все, говорит, поломали, все заросло!“ Побыл еще часик, два — „прощай, говорит, Марья! Приходи ко мне в Москву, а я, говорит, к тебе еще побываю...“ сели и уехали!.. После, слышно, уехали в Петербург... и полно ездить сюда! А там, слышно, уж их и пету! Решился!..»⁴⁵

Поэт, разумеется, не приезжал из Москвы специально посмотреть Захарово. Слишком много работы и суеты ожидало всегда его в Москве. Слова той же Марьи Федоровой — «и приехал это не прямо по большой дороге, а задами; другому бы оттуда не приехать: куда он поедет? — в воду на дно! а он знал...»

Александр Сергеевич заехал в Захарово, вероятно, по пути к своему свату, графу Федору Ивановичу Толстому (прозванному «Американцем»), или возвращаясь от него. Толстой-«Американец» жил в своем селе Глебово (Глебовка), «на тракте из Воскресенска в Осипов монастырь», и поэтому, видимо, Александр Сергеевич заехал в Захарово не обычной из Москвы (по Звенигородскому шоссе), а боковой дорогой.

В черновой тетради поэта⁴⁶ имеется запись: «Захарово № 13». Пометка эта, возможно, находится в связи с этой поездкой поэта.

Мы посетили осенью 1937 г. Захарово. Поезд из Москвы, пройдя станцию Голицыно, подходит к платформе «Школьная» у самого сельца Захарово.

Общий вид всей окрестности еще напоминает описание А. А. Венкстерна. Мы торопливо пробираемся к месту бывшей усадьбы Пушкиных. Впереди огороженного парка усадьбы над воротами надпись, указывающая, что здесь помещается Детская колония Центрального Дома Красной Армии. Густой аллеей, насчитывающей лишь несколько старых деревьев, идем мы далее.

Из-за виднеющегося уже бывшего господского дома появляется фигура старика-крестьянина. Это сторож колонии, престарелый Александр Степанович Семенов, 77 лет, еще бодрый на вид; он очень оживляется, узнав цель нашего посещения.

Александр Степанович — старожил Захарова, здесь проживали и его деды. С большим интересом он рассказывает все, что ему известно о родных местах поэта.

Имя Арины Родионовны упоминается здесь с таким же уважением, гордостью и любовью, как и на родине ее.

На месте прежнего дома Пушкиных лет 35 назад, еще до революции 1905 г., новый помещик Уськов, купивший имение у Орловых,

построил новый дом, используя старые каменные фундаменты дома Пушкиных.

У местных жителей имеются сведения, что при постройке нового дома на этом месте был использован старый балкончик прежнего дома Пушкиных. При доме попрежнему имеется фруктовый сад.

Александр Степанович от прабабушки своей Татьяны (отчества ее он не помнит, родом она из соседней деревни Клопова), прожившей 90 лет и умершей, когда ему было 8 лет, хорошо знает места, любимые маленьким Пушкиным.

Парк был тогда большой, густой, смешанных пород, включавший много крупных деревьев: лип, берез, сосен и елей. До деревни Шароповки была аллея, обсаженная деревьями. От бывшей здесь тогда большой липовой аллеи остались лишь деревья, ведущие к реке.

Как рассказывают старики, поэт любил бродить в тени крупных деревьев, на высоком берегу речки. Уже нет этих деревьев, на стволах которых он, по преданию, начертил строки своих стихов, но следы одного из деревьев, оставившего широкую выемку в земле, Александр Степанович нам показал.

Мы посетили здесь и в Москве многочисленных потомков Арины Родионовны, не знающих и не подозревающих этого своего родства. Время поглотило эту прекрасную память далекого прошлого.

На месте прежних крестьянских домов сельца Захарова, бывших еще при Пушкиных, теперь голое поле.

Новое Захарово выросло и разбросалось в другом месте, по обе стороны пруда. Вместо бывших тогда 14 дворов теперь в Захарове 75 дворов; большая часть их объединена в колхозе «Красное знамя».

В Захарове — начальная школа. Имеется сельский клуб. Клуб украшен Пушкинской выставкой. Среди экспонатов на одной из стен красуется замечательный документ — подлинный план сельца Захарова 1817 г., т. е. составленный через 6 лет после продажи Захарова Марьей Алексеевной Ганнибал, впервые нами зарисованный и публикуемый.

На этом плане обозначены дом и флигель, в которых жили Пушкины, Марья Алексеевна и Арина Родионовна.

